

УДК 364.016

Наумова Марина Александровна,
заведующая отделением дневного пребывания
несовершеннолетних СПб ГБУ
«Центр социальной помощи семье и детям Выборгского района»,
Санкт-Петербург

Воспитание сердечного слуха (заметки заведующей)

*А ведь истинное «нельзя» не тогда, когда тебе больно,
а когда больно другому! Направленность на другого,
чувство другого – вот первое условие развития сердечного слуха.*
С. Л. Соловейчик

Аннотация: в статье представлены зарисовки из опыта работы заведующего отделением дневного пребывания несовершеннолетних. Описаны проблемы, с которыми сталкивается специалист в работе с детьми, испытывающими трудности в социальной адаптации, и наблюдения за их маленьким миром.

Ключевые слова: отделение дневного пребывания несовершеннолетних, дети с трудностями социальной адаптации, социально-педагогическая работа, ценности.

Педагоги

Что такое «сердечный слух», о котором писал Симон Львович Соловейчик? Откуда он берется? И как помочь молодым специалистам, приходящим в социальную работу поймать этот сердечный настрой, без которого вряд ли даст результат работа с трудными детьми? Как научить чувствовать ребенка, принимать его, деликатно подстраиваться под его интересы, настроение, мысли? Как привить бережность к внутреннему миру каждого маленького человечка и любовь к наблюдениям за миром Детства? Об этом часто задумываюсь, подводя итоги очередного трудного дня заведующей отделения дневного пребывания несовершеннолетних.

В отделении три возрастные группы: дети 4–7 лет, младшие подростки 7–12 лет и старшие ребята 12–18 лет. В каждой из них схожие проблемы у детей – чрезмерная замкнутость, повышенная тревожность, недоверие к другим, неудачный опыт вхождения в детский коллектив. Причиной тому во многом проблемы в детско-родительских отношениях: завышенные требования к ребенку вплоть до враждебности и отвержения,

равнодушно-попустительский стиль воспитания или гиперопека, подавляющая инициативу, волю и свободу ребенка.

Отделение было открыто 12 лет назад. Штат включает: 3 руководителей кружков (инструктора по физической культуре, инструктора по рукотворчеству и музыкального руководителя), 2 психологов, 4 специалистов по социальной работе, буфетчика и заведующую. Сама я веду отделением 12 лет. Коллектив, сложившийся 12 лет назад, хоть и меняется, но костяк держится на тех самых – «с сердечным слухом».

Приглашая человека к нам на отделение, стараюсь первую беседу провести очень детально: опыт, где работал, есть ли собственные дети (это важно знать, чтобы изначально понять – накопился ли жизненный опыт понимания Детства и Отрочества, есть ли проблемы с собственным ребенком, и если они не решены успешно, то и продуктивного взаимодействия с нашими подопечными, как показывает опыт, тоже не получается). Обязательно говорю о трудностях и проблемах, которые могут возникнуть при общении с подростками. Иногда привожу примеры самых сложных ребят. Этого бывает достаточно, чтобы «не наш человек» сделал выводы.

Бывает, молодой специалист мечтает о своем отдельном кабинете, о четком регламенте, о том, чтобы заниматься с ребенком только на индивидуальных занятиях. А у нас по-другому. Не только занятия провести, а еще и помочь детям сделать уроки, и погулять с ними на улице, и неравнодушно выслушать, и помочь убрать в игровой. Ну, а с малышами свои заботы: покормить, утешить, когда плачет, не побрезговать и штанишки поменять, если конфуз произошел. Кажется, мелочь, но даже такие простые обязанности некоторых претендентов на должность отталкивают. О ребятах постарше рассказываю маленькие зарисовки (особенности и привычки, что за родители, с какими проблемами столкнулись) и наблюдаю за выражением лица. Если кандидат на должность поскучнел, глаза не зажглись, подробности не выспрашивает – скорее всего нам не по пути. Ищу таких, кто отнесется к работе неравнодушно.

Пять лет назад предложила поработать психологу из другого отделения у нас со старшими подростками. До этого наблюдала за ее работой несколько месяцев – инициативная, «горячая», имеющая опыт работы в загородных детских лагерях. Не ошиблась – очень полюбилась она мальчишкам. Умела и дисциплину держать, и подурочиться с ними. Бывали и серьезные случаи, когда буквально спасала девчонок, вытаскивая их из дурных компаний. Со старшей группой однажды устроили с ней Детскую конференцию, посвященную Дню защиты детей. Удивительно было наблюдать, как

преобразились наши мальчишки – каждый в белой рубашечке, стоя за трибуной, гордо рассказывал о жизни отделения. А одна девочка преподнесла нам сюрприз – смонтировала мультфильм, где педагоги отделения были тепло и с юмором представлены в роли различных сказочных персонажей.

Музыкальных руководителей за время моей работы в отделении было несколько, у каждой из них – свой подход к детям. Одна, чтобы приобщить старших трудных наших подростков к музыке, устраивала изысканные чаепития. Подавался особенный чай и вкусности, для ребят невиданные, звучала красивая мелодия, педагог рассказывала об интересных направлениях в молодежной музыке, легко касаясь классики, а мальчишки зачарованно слушали. Другая сама писала сценарии и ставила с детьми музыкальные спектакли, новогодние представления, разучивала танцы. На сцену выходили благодаря этому педагогу все – и парни-хулиганы, и непоседы, которые плохо вели себя на уроках, и самые обычные, ранее незаметные девочки, и тихони из коррекционных классов. В каждом она отыскивала что-то удивительное и открывала таланты. Накануне ухода в декрет осуществила мечту – вместе с педагогами отделения поставила спектакль «Сказ о Федоте-стрельце». Бегала на репетиции, уже находясь в законном декретном отпуске. А потом были две премьеры и зал, полный восторженных зрителей. Это была настоящая феерия!

Бывает, что приходят к нам на практику студенты. Однажды летом два молодых психолога перевернули весь наш уклад – сколько было жизни тогда на отделении! На улице – квесты, волейбол, подвижные игры, в игровых – настольные игры, интересные занятия, тренинги, где-то – хохот, где-то – душевные разговоры. Дети буквально «висели» на них и всегда с восторгом встречали практикантов по утрам. Я благодарна нашим молодым коллегам за те сумасшедшие два месяца, благодаря которым я приобрела твердую уверенность, что с трудными детьми должны работать именно такие энергичные, задорные педагоги.

Очень важно, чтобы на протяжении всего дня дети двигались, играли, меняли виды деятельности. Формат обычного классно-урочного школьного занятия, когда педагог что-то рассказывает, а они должны молча внимать, для многих из наших ребят в принципе не подходит. Основная проблема, из-за которой родители обращаются к нам за помощью и которая обозначена в характеристиках детей, – трудности в социальной адаптации. Есть те, которые не могут и пяти минут усидеть на стуле или диване, им надо ходить, жестикулировать, много двигаться, сидеть на полу, наконец. А когда день насыщен яркими эмоциями, играми, движением – это закладывает важный фундамент в наших отношениях,

это обращенное к душе ребенка послание взрослых: «Тебе здесь рады! У тебя все получится! Вокруг твои друзья!» И все это в конце концов создает атмосферу доверия, когда можно поговорить с детьми и о серьезных вещах и быть услышанным.

Вот такие были и есть педагоги на отделении – рвущиеся к работе с детьми, где-то сами еще дети – горячие, любящие спорить и доказывать свою юношескую правоту, жаждущие играть вместе с детьми, а главное – умеющие их чувствовать. Ведь каждый ребенок – уникальная история, каждый из них учит нас, с каждым мы приобретаем еще одну частичку опыта по воспитанию «сердечного слуха» – учимся слышать, понимать, принимать, поддерживать.

Меньше пустоты в душе

*Действительная сложность отношений между родителями и детьми
в том, что результат этих отношений,
результат воспитания зависит не от того,
насколько родители любят своих детей (как почти все думают),
а от того, насколько дети любят своих родителей.
Воспитывается не тот, кого любят, а тот, кто любит
(С. Соловейчик)*

Мальчик Б., 8 лет. В начале был звонок из школы:

– Помогите! Сложный ребенок – капризничает, устраивает скандалы на уроках, не хочет учиться, избегает ребят, нецензурно ругается, а еще и родители проблемные.

Первая встреча с ребенком удивила: были готовы увидеть парнишку истеричного, затравленного, а он с первой минуты:

– Здравствуйте! – улыбается, а глазенки вопрошают: «Ты кто, взрослый? Какой ты?»

Познакомились с родителями, узнали историю их семьи: оба инвалиды – папа лишен зрения полностью, мама ограниченно. Разница в возрасте супругов – 25 лет. Мама из семьи алкоголиков, зрение потеряла по неосмотрительности родителей. Оба учились в коррекционных школах. Мама постоянно ищет работу, но безуспешно. Круг друзей ограничен. Непростой опыт своего детства мешает понимать сына. Чаще всего прибегают к двум тактикам воспитания: либо за выученные уроки обещают приготовить любимые тфетельки, либо ремень и угрозы отдать в детский дом. Объясняем спокойно и строго: так играть на чувствах ребенка недопустимо, наказание тут не поможет, только доверие ребенка потеряете. Прислушались.

В первые дни знакомства с Б. он радостно встречал педагога в фойе школы. На лице – акварельная краска, брюки тоже познакомились с синим цветом. По дороге в Центр

спокойно рассказывал, как прошел день. Но в отделении вел себя настороженно: поначалу отказывался от еды, от ребят держался в стороне, в групповых играх не участвовал, присматривался, наблюдал за взрослыми. Нашел любимое место – возле огромной карты района. «Кушать не хочу, делать поделки не могу, да и не хочу. Нет, к ребятам не пойду – они плохие. Уроки – потом». И бегом к карте. Стоит, смотрит, изучает.

Потом появился у Б. единомышленник – вдвоем бегают по коридору, «путешествуют» по карте, но в любой момент готовы поссориться и разбежаться по углам, доказывая, что виноват в конфликте другой.

Работа психолога с ребенком дополнила его портрет: подтвердились проблемы в эмоционально-волевой и познавательной сферах, низкий уровень коммуникативных навыков, проблемы социализации, склонность к проявлениям аутоагрессии (негативные высказывания о себе), тревожность, неуверенность в себе, связанная с инвалидностью родителей.

На консилиуме обговорили правила общения с мальчишкой: Когда забираем из школы, проявляем интерес к событиям в классе, по дороге придумываем игры, обсуждаем увиденное. В Центре предлагаем побыть наедине с игрушками – «наиграться»; помогаем подбирать слова, чтобы он научился выражать свое эмоциональное состояние: «Конечно, ты устал от шума в школе, хочешь поиграть?» Высказываем готовность помочь сделать уроки, как только он отдохнет, стараемся его уговорить начать до прихода мамы, объясняем тем, что маме трудно ориентироваться в темноте, если быстро разберемся с уроками – поможем маме. Привлекаем в совместные игры его друзей, «близких по духу». Учим взаимодействовать с нами, если сталкивается с трудностями: «Мы готовы тебе помочь, попроси!».

Родители стали проявлять заинтересованность, спрашивать совета. Откликаемся: учим маму понимать сына, договариваться с ним, заинтересовывать его учебной (благо – очень любопытен и смышлен!). Объясняем: ребенок в связи с эмоциональной отверженностью, завышенными требованиями, несправедливыми наказаниями, угрозами отправить в приют, отсутствием проявления нежности, ссорами в семье, беспокойной атмосферой дома очень напряжен, разрядка идет через агрессивное поведение и отрицание всего, что предлагается взрослыми.

Спустя год работы и общения с семьей добились маленьких побед: Б. все чаще стал соблюдать правило – сначала немного играешь, потом вместе готовим уроки; стал подходить, просить помочь решить математику, разобраться с английским языком; научился

проговаривать свои чувства – «плохо, потому что...»; полюбил помогать в столовой, перестал отвергать пищу, стал есть суп. Любимое место – кабинет психолога и игровая дошкольников, с упоением играет в дочки-матери, катает коляску. Пустил в свой мир нескольких сверстников, но эмоциональная связь очень условна, легко может «перевести стрелки» на ближайшего друга. И, наверное, самая большая победа: «Я сегодня так плакал, потому что было как-то на душе тяжело, мне совестно».

В школе отметили уменьшение количества истерик, спокойствие. Удалось убедить маму обратиться к специалистам и изменить образовательный маршрут для Б., ему непросто в большом коллективе детей. Школьную программу усваивает, но ему необходима постоянная помощь взрослых, спокойствие и терпение при объяснении материала. Принесет ли изменение формы обучения свои плоды – покажет время. Все зыбко, недавно сорвал урок – очередная истерика. На ушко сообщил нашему педагогу, что опять нехорошо ругался. Причина оказалась в следующем: на уроке необходимо было пришить пуговицу, для Б. это пока очень сложно – мелкая моторика развита слабо, вот он и разъярился.

Продолжаем индивидуальную психологическую работу с мамой по налаживанию детской привязанности, учим папу обходиться с сыном без нарочитых строгостей, а с Б. играем, помогаем разбирать кроссворды по английскому языку и награждаем уединением с психологом, где мир ребенка не нарушают непонятные взрослые требования, где есть простые и понятные ему правила, как в любимых настольных «бродилках».

Еще полгода прошло. Б. стал чаще приходить с улыбкой, мы не слышим, чтобы мама ругала его, замечаем, что говорит с ним ласково, целует его. Стал лучше есть. Уроки старается сделать без напоминания, приходит в кабинет к педагогу, раскладывает свои учебники, тихонечко сидит, ждет объяснения материала, если сам не разобрался. Замечаем сдвиги в лучшую сторону и в развитии познавательной деятельности. Недавно на музыкальном вечере «О героях былых времен», посвященном Дню Победы, полтора часа сидел, не шелохнувшись, и слушал, как взрослые молодые люди с чувством исполняют песни о войне. Иногда подпевал (спасибо папе – он их разучивает с сыном, просто так, не к празднику). И когда вдохновленный выступлениями гостей наш педагог предложил детям спеть «Катюшу», Б. побежал со всеми на сцену. Значит, что-то мы заполнили в душе у этого ребенка – меньше стало пустоты.

Школа настояла на изменении образовательного маршрута. Горько, что не предусмотрены у нас школы для детей с особенностями в поведении, коррекционные – да, для детей с ослабленным слухом и зрением – да, а как же быть с такими вот подранками –

детьми «с проблемами социальной адаптации»? Б. переводят в школу 7-8 вида. Посмотрим, поможет ли это, все зависит от личности классного руководителя – будем надеяться, что найдет свой ключик к Б. Нам ведь удалось... Через полтора года работы.

Джордж из джунглей

*Детская душа не поддается управлению,
с ребенком нужно общаться!*
(С. Соловейчик)

Д. растет с бабушкой, ему **9 лет**. Правда Д. с детства знал ее как маму. Несколько месяцев назад она попала в больницу и от родственников Д. узнал, что мамы на самом деле у него нет, есть родная бабушка. Реакция ребенка испугала взрослых: у мальчика появились истерики, физические проявления аутоагрессии. Неврозоподобное состояние снижали медикаментозно, но из-за побочных действий лекарства перестали принимать.

Мы познакомились с Д. полгода назад. Он быстро подружился с ребятами, шалил, очень полюбил заниматься в спортивном зале. Однажды, раскрывая маленькие мальчишеские тайны, вдруг расплакался и рассказал, что произошло. Сам. Поддержали, нашли слова, чтобы уверить, что понимаем, **как** было больно и несправедливо. Но есть близкие, те, кто его очень любит. А мы можем сейчас быть рядом, помогать делать уроки, играть, разговаривать. Установили правила – даем возможность побегать и покричать, как «Джордж из джунглей», – ему это очень важно! А потом помогаем делать уроки, не выполняем за него, а заинтересовываем и подталкиваем его к размышлениям: «А почему осенью листья на деревьях желтые и красные? А почему Плутон не планета?»

Склонен к сочинительству – спасибо маме-бабушке! – богатый словарный запас, развито воображение. Создаем особую атмосферу, без нотаций и нравоучений, вместо них – юмор, провокация на догадливость. И обязательная работа психолога с мамой-бабушкой: объясняем, что капризы, непослушание, истерики – результат эмоциональной депривации и завышенных требований. Как часто это встречается в семьях, где что-то не так заладилось с собственным ребенком, была потеряна животрепещущая связь с дочкой и тем сложнее общаться через поколение с внуком-сыном. И страх, что опять не получится быть правильной мамой-бабушкой. И опасения сотворить очередную ошибку. Да и просто нет сил, чтобы изменить себя и свое мировоззрение. Хочется простого и беспрекословного послушания: «Ведь я же знаю, как надо. Так лучше!»

Д. потихоньку начал оттаивать: перед уходом дожидается, чтобы обнять и попрощаться. На консультации с психологом обнял и поцеловал бабушку – она очень

растерялась – давно не было этого! Но, к сожалению, закрепить успех не удастся. Недавно опять ссора между бабушкой и Д. Закрылся в игровой, не хочет уходить домой, плачет. Открыл дверь только нам, через слезы жалуется, что бабушка «цепляется». Выясняется, что она при встрече с внуком назидательно поинтересовалась успехами в школе, сокрушалась по поводу незаписанного домашнего задания и еще сказала, что шапку плохо завязал.

Разговариваем с бабушкой, снимаем напряженность, советуем: уроки – важно, но пускай получит двойку, пусть сам увидит итог своего «не хочу», своей невнимательности, несобранности, пускай это будет его ошибка, без этого нельзя оценить победу, когда начнет сам прилагать усилия. И шапку пусть завяжет тогда, когда станет *ему* холодно.

Страх взрослого, как лиана, стреноживает «Джорджа из джунглей», не дает мальчишке сделать *свой* выбор, совершить *свой* поступок, написать *свою* работу над ошибками.

Д. стал реже приходить к нам – его записали в кружки. В те дни, когда приходит – опять его слезы и бабушкины сетования. Что она больше не может, нет сил. Д. отдаляется. Стал называть ее бабушкой.

Впереди долгая работа с психологом. Для бабушки.

Выбираю детский дом

*Радуйте ребенка, радуйтесь вместе с ним –
и он научится любить.*
(С. Соловейчик)

А. сейчас 17.

Пробегаю по коридору. Задерживаю взгляд на сжатой фигурке девчушки. Вот так встреча! Давно не виделись, смущается. Такая же хрупкая...

3 года назад. Мама привела девочку летом на отделение, рассказала, что своя дочь уже выросла, и почувствовав желание отогреть какую-нибудь детскую душу, она взяла А. из детского дома. Умная интеллигентная женщина прошла школу приемных родителей, но что-то не получилось, отношения не заладились. Девочка росла в неблагополучной семье, потом родители погибли, и она несколько лет провела в детском доме.

Разговор при знакомстве идет туго, А. с трудом подбирает слова, чтобы описать свой день, свои чувства. Помогаю.

– Как начинается утро?

– Никак.

– С мамой какие отношения? С папой и сестрой?

– Нормальные. С мамой – не очень, хочу вернуться обратно в детский дом. Но страшно... Ведь тут большие возможности, а *там* надо быть самостоятельной – страшно...

– В школе трудно?

– Да ничего в голову не ложится... А, пускай! Буду до старости в 8-м классе сидеть.

– Чем занимаешься после уроков?

– Занимаюсь ИЗО, люблю рисовать, но... не умею, хочу учить испанский, но начала, а сейчас забросила. Не, у меня все нормально, главное маму не расстраивать... А в лагере как было весело! Я давно так не смеялась – мы придумывали с подружкой прозвища для ребят! Правда, нашкодили, оторвали от столика окантовку.

Говорит, а сама «смакует» те чувства, которые пережила: тронула недозволенное, перешла границы, попыталась перейти.

Несколько раз потом приходила – придет и тихонечко сидит, ждет, пока я случайно не выгляну из кабинета. Пока с моей стороны только маленькие шажочки: просто подобрать слова, отражающие чувства, просто приблизить, постараться заслужить доверие, помочь поверить в свои силы.

Спустя несколько месяцев после знакомства... На днях прибежала с домашним заданием по химии – помогите! (Как хорошо, что еще не забылась школьная программа!) Потом принесла показать свой рисунок котенка. Все чаще рассказывает о своем настроении, пытается отрицательно высказаться о себе: не умею, не соображаю, не рисую. Но более открытым стал взгляд (не в пол, а прямо в глаза), чаще стала появляться улыбка. Не только просит о помощи, но и предлагает свою. Во взаимоотношениях со сверстниками держится настороженно, сказывается неумение и боязнь кому-то довериться («А так хотелось бы!» – «считывается» с интонации девочки). Иногда переписывается со знакомыми из детского дома, решение вернуться туда иногда все-таки приходит в голову.

Два с половиной года назад. А. написала заявление в опеку с просьбой пожить в социальной гостинице. Это было неожиданностью для приемной семьи. Но она твердо решила это сделать. Три месяца жила среди таких же мальчишек и девчонок с проблемами детско-родительских отношений (всегда думала об этом словосочетании, мне кажется, надо наоборот, чтобы подчеркнуть ответственность старшего за нарушенные взаимоотношения!). Часто прибегала по старой памяти на отделение – поговорить. О чем? О том, что думает, какую боль причинила семье, о том, почему они ни разу не позвонили ей, о том, что, наверное, с ней что-то не так, раз она не может ужиться во второй приемной семье. И, как любой подросток, не принимает себя – ни внешне, ни внутренне.

Говорим. Просто говорим о трудностях взросления, о непростых человеческих отношениях, о том, как отстирать кофточку, что обувь пора сменить на более легкую. Она хочет вернуться в свой прежний детский дом, там ее ждут. Но ей так хочется получить от всех взрослых ответ – она правильно поступила? А все, увы, дают неоднозначные советы. В школе убеждают, что в Петербурге больше возможностей для выбора учебного заведения, и тут же легко упрекают, что обидела приемную маму. Из родного города звонит крестная и рассказывает о том, что в городе не найти работу и девчонка никогда не получит жилье. Сколько взрослых, столько и советов, а ей хочется получить один и правильный...

Два года назад. А. уехала в свой родной город. А я перед расставанием повторяла только одно: «Если человек хочет чего-то добиться, то он сделает это в любом городе. Я верю в тебя, ты не сломаешься! Я буду рада встретить тебя через какое-то время и узнать, как складывается твоя жизнь».

Здравствуй, А.!

Литература

1. Соловейчик С. Непрописные истины воспитания. Избранные статьи. – М.: АСТ, 2017. – 224 с.
2. Соловейчик С. Педагогика для всех. – М.: Первое сентября, 2000. – 496 с.
3. Соловейчик С. Теория и практика в обучении. – М.: Амрита-Русь, 2017. – 223 с.
4. Петрановская Л. В. Если с ребенком трудно. – М.: АСТ, 2017. – 144 с.
5. Петрановская Л. В. Тайная опора: привязанность в жизни ребенка. – М.: АСТ, 2014. – 288 с.